

Майя
Плисецкая:

ОСТАНОВКА В ПАРИЖЕ

Сов. культура - 1991 - 23 февр. - с. 14

— Последние несколько месяцев были очень интересными, — рассказывает Майя Михайловна. — Трудно планировать наперед какие-то вещи, хотя это считается нужным, необходимым. Многие так и делают. Но у меня почему-то задумывается одно, а потом получается другое: что-то отменяется, что-то возникает. Совсем неожиданно состоялось мое выступление в Чикаго. Предполагалось, что буду танцевать в Буэнос-Айресе. Меня туда приглашали в течение трех лет. Но я не могла никак понять, что это за балет, что мне предлагают. И соглашусь ли на это? Как пойдут мои дела в Мадриде, что буду делать, где буду занята? Я не была уверена, что захочу это танцевать.

Но случилось так, что я все-таки поехала в Буэнос-Айрес. Думаю, что по длительности, громкости и восторженности, нигде в мире нет таких оваций, как в Аргентине. Час аплодисментов, которые я получила после «Кармен», — это стоит многого. И забыть такой прием совершенно невозможно.

Так вот, в Буэнос-Айресе я танцевала балет, который поставил аргентинский хореограф Хулио Лопес. Это «Аргентинское танго» на музыку Пьяццолло. Спектакль сделан очень хорошо, он невероятно эмоционален, смотрится с большим интересом. Я с великим удовольствием и работала, и танцевала в театре «Колон». Слышала, что театр с этим спектаклем пригласят в Европу.

Мое турне можно назвать кругосветным путешествием, — продолжает М. Плисецкая, — потому что поездка в Буэнос-Айрес была из Токио, где я танцевала «Айседору». Вообще очень рада, что «Айседору», которая существует в моем репертуаре 15 лет, стали танце-

Париж. Театр «Опера комик» до отказа заполнен публикой. Здесь проходит наиболее престижный и представительный Международный конкурс танца. Вдруг по залу проносится волнение. Со всех сторон на французский манер произносятся: Майя — имя, ставшее известным всему миру. Как только было объявлено о почетной госте, в зале вспыхнули овации, и улыбающаяся Плисецкая ответила на них своими грациозными поклонами. В антракте ее окружили бесчисленные поклонники и парижские друзья — автографы, фотографии, комплименты, улыбки...

На мою просьбу дать интервью Плисецкая отвечает: «Нужно подумать. Ведь я здесь не танцую — приехала в Париж в качестве жены Родиона Щедрина. Он приглашен на Международный конкурс виолончелистов имени Ростроповича. Приходите на его финал...» Через несколько дней я уже в знаменитом Театре Елисейских полей, где проходило прослушивание четырех финалистов. Жюри возглавлял М. Ростропович, среди членов жюри были Р. Щедрин и Н. Гутман. В ложе для почетных гостей находились Г. Вишневская и М. Плисецкая. В этот день состоялась премьера «Русских наигрышей» — первого сочинения для виолончели Щедрина, которое он написал специально к конкурсу.

Четырехкратное исполнение этого произведения раскрыло поразительную глубину мысли и чувства композитора, его искреннюю влюбленность в русскую задушевность и красоту. Премьера имела огромный успех у публики. После прослушивания второго обязательного произведения для конкурсантов — концерта для виолончели с оркестром (Дворжак или Прокофьев), жюри удалилось для обсуждений. И в этот час судьба мне подарила беседу с Майей Плисецкой.

вать и другие балерины во многих странах. Я воскресила память о ней, и это, кстати, была идея Щедрина. Когда я писала письмо Бежару, в котором предложила несколько тем, Щедрин мне сказал: «Напиши ему про Айседору. Может быть, ему захочется?». Так и случилось. Из всех тем он выбрал именно эту. Бежар поставил ее в 1976 году. Потом, во время 50-летия со дня смерти Айседоры Дункан, балет был исполнен и в Монако.

После Буэнос-Айреса я полетела в Чикаго, где к 100-летию местного симфонического оркестра Щедрина была заказана пьеса. Чикагский оркестр под управлением Л. Маазеля совершенно изумительно исполнил «Старый русский цирк» — так называется пьеса. По-моему, премьера была абсолютно блистательной.

В Чикаго мне предложили танцевать в спектакле на музыку Джанго Рейнарта, который здесь, в Париже, был невероятно популярен. По происхождению Джанго — цыган, который в юности во время пожара сильно обгорел. На гитаре он играл оставшимися тремя пальцами. Джанго придумал свой стиль и имел огромный успех. В 30—40-е годы он был королем джаза. Однако все его заработки шли на игру в карты. Он постоянно проигрывал и был нищим. Говорят, что Джанго купил свой первый и единственный костюм за три недели до смерти. Умер он в 1953 году.

В Балете Чикаго есть очень молодой и своеобразный хореограф — Шмидт. Он поставил одноактный балет в пяти частях. И вот в последней части я танцевала на каблучках, в боа, в окружении трех танцовщиков, исполнивших джаз. Это было очень симпатично. Я рада, что мне это предложили, и танцевала с удовольствием.

Потом прилетела обратно в Нью-Йорк, чтобы отправиться сюда, в Париж. Но по пути остановилась в Лондоне, где танцевала в «Алберт-холле» «Уми-

рающего лебедя». И вот теперь я в Париже, моем любимом Париже. Все говорят, что Париж замечательный. Я обычно не соглашаюсь с тем, что говорят все. У меня на все всегда свое мнение. Но Париж действительно уникален. В нем есть какая-то магия, которую объяснить невозможно, некая совершенная гармония...

В Париже я нахожусь тоже в качестве жены: Щедрин написал пьесу, включенную в обязательную программу конкурса виолончелистов.

В отличие от нас, танцовщиков, композиторы находятся в более выгодном положении, потому что их произведения, записанные нотными знаками, сохраняются навсегда, если, конечно, сочинения интересные. В противоположность им из-за отсутствия записи погибли лучшие балеты. Горский, например, пропал совершенно. Кроме «Дон Кихота», ничего не осталось. Потому что тогда видеозаписи не было, кино не снимали, а сами артисты поумирали. Хорошо, что теперь существует видео. Должна сказать, что благодаря видео балет продвинулся невероятно. Еще 20 лет тому назад мы не могли предположить, что он станет так виртуозен, так совершенен, так точен. Видео помогает танцовщикам исправлять их ошибки. Теперь, как в спорте, они видят все, каждый момент. Это то, чего артисты балета были прежде всегда лишены.

Современный балет, — продолжает балерина, — шагнул так далеко благодаря огромному влиянию спорта. То, что сегодня делают в спортивной гимнастике (в частности, в вольных упражнениях), имеет прямое отношение к балету, это прямое попадание в его сердце. Балет приблизился к спорту невероятными растяжками, огромными шагами, высокими подъемами с прогнутыми коленями. Раньше такого не то что не требовалось, но даже запрещалось. Нельзя было поднимать ногу выше головы, даже

до головы. А сейчас это необходимо. Совершенно изменилась эстетика танца. Это очень интересно наблюдать. Единственное, что бы я хотела, — это видеть все-таки преимущественно танцы, а не упражнения.

Сейчас я сделала «Марию Стюарт», — замечает М. Плисецкая. — Ее поставил в испанском театре Хосе Грамера. Это достаточно интересно, но все же не совсем то, к чему я стремилась. Мне не хотелось играть Марию Стюарт буквально. У меня на этот счет есть свое мнение, и я имею на это право, потому что я не историк, а балерина, которой что-то может просто присниться. В Испании я станцевала «Марию Стюарт», а также поставила «Увядшую розу» и «Кармен». Меня часто спрашивают: «Кармен» — это ваша любимая партия? А у меня в разные периоды разные пристрастия. В свое время я мечтала о ней. И всегда говорила, почему Бизе написал оперу. А он ее создал для одной замечательной певицы, которая в то время ждала эту роль. Всегда так бывает. Чайковский тоже писал по заказу Петипа. Щедрин в свое время посвятил две пьесы певицам — Заре Долухановой и Ирине Архиповой, а «Стихиру», которая была написана к 1000-летию крещения Руси, — Мстиславу Ростроповичу. Мне Щедрин посвятил свою первую оперу «Не только любовь», потом балеты «Анна Каренина», «Чайка», «Дама с собачкой» и маленькое фортепианное произведение, которое называется «В подражание Альбенису». С тех пор как я вышла замуж за Щедрина, я танцую для него. И он для меня — единственный судья, единственный критерий. В его вкус, в его понимание я верю на сто процентов. Если Щедрин говорит хорошо, я верю, если говорит плохо, я верю. Вообще Щедрин — это самое значительное событие в моей жизни.

Виктор ИГНАТОВ.
ПАРИЖ.